

- 60% – снизились число рекламаций и претензий к качеству выпускаемой продукции или качеству обслуживания

По данным [9], об успешности действия СМК на предприятии свидетельствуют такие результаты:

- в 1,3 раза – увеличение производительности труда;
- с 4,06 до 4,66 (по пятибалльной шкале) – увеличение уровня удовлетворённости потребителей (что говорит о росте доверия со стороны заказчиков);
- на 30% – уменьшение числа замечаний органов экспертизы;
- с 6,8% до 2,2% – уменьшение текучести кадров.

ВЫВОДЫ

Таким образом, результативность и эффективность являются важными составляющими системы менеджмента качества. Несмотря на многолетний опыт применения СМК, как отмечают многие эксперты, всё же нет однозначного ответа эффективности СМК. Основные причины низкой эффективности СМК – несистемный подход к построению, формальное внедрение стандартов и низкая роль руководства предприятия в создании СМК. Однако, несмотря на критику и негативное отношение к СМК на многих предприятиях (что подтверждают результаты опроса), всё же отмечается большой процент успешно внедрённых систем. Говорить о результативности СМК или её эффективности можно только по определённому предприятию и только по критериям, которые разработаны и применяются на данном предприятии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Качалов В. А. Что такое «постоянное повышение результативности СМК»? / В. А. Качалов // Методы менеджмента качества. — 2007. — № 1. — С. 28—32.
2. Язовских А. Эффективность и результативность: философия или фактор успеха [Электронный ресурс] / А. Язовских. — Режим доступа : <http://www.e-xecutive.ru/community/articles/1086065/>.
3. Степанов А. Давайте понимать и говорить правильно, или критика на критику / А. Степанов // Стандарты и качество. — 2007. — № 6. — С. 62—67.
4. Баринов В. Использование стандартов на системы менеджмента качества – путь к управлению эффективностью / В. Баринов, В. Елиферов // Стандарты и качество. — 2011. — № 8. — С. 58—63.
5. Хармс К. Ю. Некоторые аспекты менеджмента качества / К. Ю. Хармс // Das Management. — 2010. — №4/07-09/. — С. 85—87.
6. Блицопрос // Методы менеджмента качества. — 2011. — № 7. — С. 27.
7. Эффективность СМК в России // Стандарты и качество. — 2011. — № 7. — С. 55.
8. Мельникова Е. В. Инновации в области качества – путь к высоким стандартам жизни / Е. В. Мельникова // Методы менеджмента качества. — 2006. — № 2. — С. 54—55.
9. Елжов А. Кризис ИСО 9001. Преодоление / А. Елжов // Стандарты и качество. — 2011. — № 7. — С. 52—54.
10. Качество: прошлое, настоящее, будущее // Стандарты и качество. — 2006. — № 1. — С. 6—9.
11. Егорова Л. Причины неэффективности систем менеджмента качества [Электронный ресурс] / Л. Егорова. — Режим доступа : <http://quality.eup.ru/MATERIALY12/no-effect.htm>.

УДК 330.341.2

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ И СЕТЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Миколенко Е.П., аспирант

Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия»

В статье проводится анализ институтов, регулирующих поведение экономических агентов как конструкторов институционального взаимодействия. Раскрыты особенности влияния принципов иерархической или сетевой организации взаимодействия экономических агентов на адаптационные способности экономической системы и ее эволюционное развитие. Доказано, что институты, в основу которых положены иерархические основы организации, склонны к эволюционному развитию и

организационному усложнению. Сетевые же структуры играют значительную роль в мгновенной адаптационной приспособляемости системы к изменяющимся условиям среды.

Ключевые слова: институты, эволюция экономической системы, иерархия, сеть, институциональная адаптация, собственность, власть.

Миколенко О.П. ІСРАРХІЧНІ ТА МЕРЕЖЕВІ МЕХАНІЗМИ ІНСТИТУЦІЙНОЇ ВЗАЄМОДІЇ / Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія», Україна

У статті проводиться аналіз інститутів, що регулюють поведінку економічних агентів, як конструктив інституційної взаємодії. Розкрито особливості впливу принципів ієрархічної або мережевої організації взаємодії економічних агентів на адаптаційні можливості економічної системи та її еволюційний розвиток. Доведено, що інститути, в основі яких покладено ієрархічні основи організації, схильні до еволюційного розвитку та організаційного ускладнення. Мережеві ж структури відіграють значну роль у миттєвій адаптаційній пристосованості системи до мінливих умов зовнішнього середовища.

Ключові слова: інститути, еволюція економічної системи, ієрархія, мережа, інституційна адаптація, власність, влада.

Mykolenko O.P. HIERARCHICAL AND NETWORK MECHANISMS OF THE INSTITUTIONAL INTERACTION / Kharkov University of Humanities «People's Ukrainian Academy», Ukraine

The article analyzes the institutions that govern behavior of economic agents as constructions of institutional interaction. The features of hierarchical or network organization of economic agents interaction that influence on the adaptability of the economic system and its evolutionary development are employed. It is proved that the institutions, which are based on a hierarchical organization basis, prone to evolutionary development and organizational complexity. Network structures play a significant role in the instant adaptability of the system to changing environmental conditions.

Key words: institutions, evolution of the economic system, hierarchy, network, institutional adaptation, property, power.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Экономическая теория обладает широким кругом методологических подходов к исследованию параметров развития социально-экономических систем. В то же время современные тенденции разнонаправленных изменений глобальной экономики требуют дальнейшего дополнения и развития методологической базы. Особенно в условиях нелинейности, многовекторности, противоречивости процессов глобализации. Мотивированное использование положений институционализма и теории эволюции социально-экономических систем вписываются в тенденции углубления современных научных подходов.

АНАЛИЗ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

В процессе эволюции различных социально-экономических систем общество претерпевает множество качественных и количественных изменений, в результате которых система приобретает новые свойства, которые носят необратимый характер. Проблема эволюционного развития экономических систем через призму институциональных изменений рассмотрена Г. Б. Клейнером [1], О. Л. Яременко [2], институциональная динамика экономических преобразований освещена в работах А. А. Гриценко [3], В. В. Дементьева [4], Р. Коуза [5], В. О. Мандыбуры [6], Д. Норта [7], исследованию нелинейности, неоднородности и самоорганизации сложных систем уделяется внимание в работах Н. Никоновой, В. П. Решетило [8], вопросы трансформации экономик в условиях глобализации находятся в поле зрения Н. И. Гражевской [9]. Развитие теории глобализации получило в трудах И. Валлерстайна, Б. Гаврилишина [10], М. Кастельса [11], Б. Г. Питерса [12], П. Хирста [13].

Также были проанализированы теоретические взгляды классических ученых: М. Вебера [14], М. Грановеттера [15], Н. Н. Моисеева [16], М. Поланьи [17]. Теоретические исследования сетевой и иерархической архитектуры хозяйственной системы представлены в трудах О. М. Зухбы [18], А. Н. Олейника [19], А. А. Гриценка [20]. Влияние сетевых и иерархических организационных форм институционального взаимодействия на эволюционное развитие экономических систем обусловило дальнейшее изучение этой проблемы.

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ЦЕЛИ СТАТЬИ

Целью данной статьи является исследование особенностей влияния принципов иерархической или сетевой организации взаимодействия экономических агентов на адаптационные возможности экономической системы и ее эволюционное развитие.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Яременко О. Л. отмечает, что экономическая система на разных временных лагах реагирует на изменения по-разному. От автоматического адаптивного развития на коротких промежутках времени до эволюции с чрезвычайно высоким уровнем неопределенности на долговременных в силу наличия

стойких инерционных институциональных конструкторов [2, с. 4]. Согласно подходу к определению эволюции, предложенному Н. И. Гражевской [9, с. 23], эволюция системы включает собственно эволюцию (целостную последовательность ряда постепенных превращений, ведущих к приобретению системой новых характеристик) и трансформацию как процесс обновления системы в результате скачкообразных качественных преобразований. В данном случае речь идет о системной трансформации, которая присуща экономикам переходного типа. В свою очередь, трансформация может быть рассмотрена не только как результат спонтанных глубоких социально-экономических изменений всей системы, но и в контексте перманентных эволюционных качественных изменений некоторых ее составляющих. Такая трансформация присуща всем моделям социально-экономического развития.

Институциональные трансформации – это логическая реакция институциональной системы (институтов, институциональных форм) на перманентные изменения окружающей среды, результатом которой является завершенная форма института с его новыми качественными параметрами. Н. Н. Моисеев выделяет три типа механизмов эволюционных изменений, два из которых [16, с. 7-8]: адаптационные, дарвиновского типа, обеспечивающие постепенное приспособление системы к изменяющимся условиям внешней среды, и бифуркационные, действие которых приводит к ветвлению путей эволюции при переходе системы через критическое ее состояние. Третий тип механизмов непосредственно связан с социальной активностью экономических агентов.

Социальная система (общество) представляет собой совокупность институционально взаимодействующих экономических агентов (индивидов, хозяйствующих субъектов, государства). «Следует осознать, – писал Р. Коуз, – что когда экономисты исследуют работу экономики, они имеют дело с воздействиями отдельных лиц или организаций на других, работающих в той же системе. Если бы не было таких воздействий, не существовало бы подлежащих изучению экономических систем» [5, с. 32]. В связи с этим ряд авторов рассматривают институты как устоявшиеся системы, которые структурируют, упорядочивают, регламентируют общественные взаимодействия (Дж. Ходжсон, Дж. Коммонс). Предложенный Г. Б. Клейнером подход дает определение такой концепции – «мир полей взаимодействия агентов» [1, с. 411], и, модифицируя подход Д. Норта, указывает на зависимость эволюции институциональной системы общества от взаимодействия ее экономических агентов. Институционализация поведения экономических агентов в форме неоднократно повторяющихся контактов, согласование их целей, интересов и потребностей способствуют возникновению интеграционных связей, которые формируют впоследствии закономерности развития всего общества, его целостность, единство, и со временем определяют новые качественные свойства системы, или так называемый эффект «сборки» [16, с. 9] (третий тип механизмов). Таким образом, согласованность функциональных элементов системы дает дополнительный эффект, что приводит к некоторым качественным ее изменениям и эволюции.

Появление новых связей, изменение старых, упорядочивание существующих способствует некоторой самоорганизации системы, изучением которой занимаются кибернетический и синергетический подходы. Синергетический подход значительную роль в процессах институциональных изменений системы отводит случайным событиям, а кибернетический предполагает наличие заранее определенной цели. В данном случае речь идет как о качественной определенности существования и развития экономической системы, которая проявляется в соответствующей направленности этого развития [3, с. 37], так и целях, поставленных управляющими субъектами (политической элитой, лидерами, топ-менеджерами), когда «институты выступают в качестве способа согласования несовпадающих интересов и целей взаимодействующих субъектов» [2, с. 5]. В этом контексте Б. Г. Питерс утверждает, что в пределах национальной экономики за государством по-прежнему остается значимая роль, если не ведущая, на управленческом поле, по крайней мере, в сфере целеполагания [12]. Целенаправленное движение системы осуществляется благодаря механизмам институциональных изменений, а оценка самих изменений может выступать индикатором соответствия процессов изменений достигаемым целям.

Множественность целей, неопределенность последствий принятия решений, разноплановое, стохастическое взаимодействие экономических агентов усложняет структуру их взаимоотношений, а развитие системы приобретает нелинейный характер. Когда сложность системы или связей между ее элементами достигает некоторого порогового значения и возникает эффект отрицательных обратных связей, направление мирового эволюционного процесса принимает сторону усложнения организационных структур. «По мере нарастания сложности, открытости и нелинейности экономической и институциональной систем, их взаимодействие (экономических агентов) все более строится по принципу гетерархии», – отмечает В. П. Решетило [8, с. 31], то есть отношения взаимозависимости. Мировой практике известны иерархическая и сетевая организация институционального взаимодействия, как два из возможных инвариантов, кроме рыночного (комбинированного).

Сетевая организация рассматривается как децентрализованная форма взаимодействия равноправных экономических агентов, где стирается статусная компонента, она склонна к постоянному узловому расширению путем включения в нее новых элементов, что придает ей некоторую гибкость и динамичность. Иерархическая организация – централизованная форма, основанная на отношениях соподчинения индивидов, находящихся на разных уровнях и имеющих разный статус в обществе.

В современной научной литературе уделяется достаточно много внимания сетевым моделям организации как глобальному на сегодняшний день, всеохватывающему феномену социума. По мнению М. Кастельса, сетевое (информационное) общество обладает другими качественными характеристиками [11]: изменяется идентичность личности, разрушается его целостность, меняются ценностные ориентации, идеалы, связи. И без ограничивающего, с одной стороны, и стимулирующего, с другой стороны, влияния стабилизирующих, регламентирующих, рутинных принципов иерархии, общество будет обречено на хаос и потерю самоидентификации. Как отмечает А. А. Гриценко, со времен первобытнообщинного строя, когда иерархия и сеть находились в синкретическом единстве, на основе чего вырастает их взаимодействие [20, с. 53], роль иерархии сложно переоценить. Или закрепляется господствующее положение за иерархией, или с развитием сети она ложится в основу ее функционирования. Тому подтверждением являются исследования неоднородности системы Ж. Сапира, который указывает на склонность экономических агентов к сознательному порождению иерархических взаимоотношений, даже в условиях формального равенства [21, с. 120]. Это означает, что иерархическая организация взаимодействий экономических агентов остается по-прежнему ключевой, особенно в определении направления процессов эволюции. Иерархия и сеть особым образом диалектически соотносятся друг с другом и с процессом эволюции хозяйственной системы. Некоторые авторы утверждают, что сеть – порождение эволюции, некоторые авторы – то, что сеть является ее промежуточной формой.

Олейник А. Н. указывает на разную способность таких структур к институциональным изменениям в процессе эволюции: сетевая структура имеет более низкие эволюционные возможности, поскольку траектория развития ограничена несколькими альтернативными вариантами в силу объединения участников вокруг решения конкретной проблемы. Однако она является более прогнозируемой и адаптируемой на коротких временных лагах по отношению к окружающей среде [19, с. 149]. В условиях системной трансформации сетевая организация взаимоотношений экономических агентов играет ключевую роль в процессе сохранения системных связей и способствует более эффективной ее адаптации к новым условиям существования. Это позволяет участникам сети «генерировать, комбинировать и перебирать новые варианты институционального устройства системы» [22, с. 86].

Иерархические системы же постоянно усложняются (эволюционируют) при взаимодействии со средой, накапливая при этом знания, ресурсы и информацию, поскольку обладают большей социальной памятью, сохраняя за собой задел к инновациям. Немаловажную роль в этом играет действие рутинерства (стабильные постоянно повторяющиеся шаблоны деятельности организаций, индивидуальных умений). Рутинеры рассматриваются многими авторами как информационные гены организации наряду с применениями технологий и принципов организации производства [14]. Рутинерство, как явление привычное, не требует специальных умственных усилий, что в свою очередь высвобождает память и способствует росту накопления интеллектуального капитала, который является основой новаций. Новация, принятая со временем обществом, становится постепенно рутинерством. Таким образом, система эволюционирует, переходит к следующей стадии развития при сохранении накопленного опыта.

Итак, усложнение иерархических структур способствует их эволюционному развитию, то есть приобретению новых качественных свойств и параметров. Поскольку институциональная система представляет собой иерархическую пирамиду с горизонтальными ответвлениями, которые предотвращают некоторые отклонения развития такой структуры, можно предположить, что институты и другие институциональные формы, отличаясь по своей организационной структуре, могут принимать также различные организационные формы, как иерархии, так и сети в чистом виде или комбинированном. Под воздействием внешних факторов разная организационная структура обеспечивает либо структурную устойчивость институциональной системы, либо ее мгновенную или длительную приспособляемость.

Например, архитектура структуры прав собственности определяется системной сложностью функциональных и организационных структур ее элементов (институтов и институциональных форм), представленных на рис. 1.

Рассмотрение особенностей функциональных, структурных образований и форм развития современного института собственности подтверждает, что институт собственности имеет собственную сложную институциональную структуру, изначально устроенную иерархически, которая непрерывно

эволюционирует и меняет не только форму, но и ее содержательное наполнение под влиянием трансформационных изменений социально-экономических систем.

Рис. 1. Сетевая и иерархическая организация институционального взаимодействия
[составлено автором]

Об образовании института собственности, появлении гражданского общества и установлении неравенства рассуждает в своей работе [23, с. 116-117] Ж. Ж. Руссо: «...такое было происхождение общества и законов, которые наложили новые пути на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства». Отношения собственности, как содержательная сторона института, также иерархичны по своей природе. Из истории известна система иерархических отношений сеньор-крестьянин средневековой Западной Европы, система патриархального и классического рабства в государствах Древнего Востока и Английской Греции, Рима. Изначально закрепление прав одного участника общества на определенную собственность ставит в рамки ограничения на нее другого или вынуждения его к поиску другой собственности. С развитием института наемного труда отношения собственности институционализируются, и хотя они и ограничиваются контрактными и договорными обязательствами, а наемный рабочий в отличие от рабов и крепостных не является чьей-то собственностью и юридически свободен, тем не менее, эти отношения основаны на соподчинении, то есть иерархичны.

Гриценко А. А., характеризуя традиционное общество, обозначает: «нет ни социальной иерархии, ни сети, а есть совместно-разделенная деятельность, из которой затем исторически вырастает как иерархия, так и сеть» [20, с. 53]. Как совместно-разделенная деятельность в процессе развития проходит стадии совместности и раздельности до уровня противоположностей и слияния их в единстве, так и совместно-разделенная собственность приобретает форму всеобщей собственности [24, с. 289], или разделенной. Объединения фермерских хозяйств в США являются приближенной формой совместной собственности (в результате обобществления частной собственности), основанной на равноправном участии в управлении, горизонтальных связях с другими фермерскими хозяйствами. Обобществление частной собственности и его наивысшие формы развития проанализированы В. О. Мандыбурой [6]. Наиболее динамичным видом частной собственности считается капитал. Диалектическое единство сетевой и иерархической формы объединения капитала реализуется в современных формах акционерного капитала, то есть корпорации, которая построена на жесткой иерархии управления бизнес-единицами, входящими в ее структуру. Они (бизнес-единицы) в свою очередь горизонтально включают в эти процессы связи, которые обеспечивает интеграция образованных сетей, созданных, как правило, средними и малыми предприятиями. Подтверждением тому является мгновенное приспособление к изменяющимся условиям транснациональных корпораций в виде неакционерных форм экспансии и управления капиталом (лицензирование, франчайзинг, контрактное производство и аутсорсинг услуг, контрактное фермерское производство, концессия). Такие формы управления капиталом дополняют жесткую организацию иерархии мобильной составляющей сети через их горизонтальное гибкое расширение. Происходит комплементарное сосуществование иерархических и сетевых структур.

Реализация прав собственности осуществляется через господствующую структуру прав собственности и непосредственно связана с экономической властью. По своей природе сущностная характеристика власти (принцип доминирования-подчинения) является неизменной на протяжении всего периода развития общества, так как власть возникает с появлением человека социального, и в независимости от формы ее проявления всегда будет его сопровождать. Дементьев В. В., характеризуя взаимоотношения между индивидами, выделяет властную их составляющую. «...власть представляет собой определенный аспект в отношениях между людьми, который состоит в способности одного человека или целой группы навязывать свои цели» [4, с. 512]. Согласно теории экономической власти такие взаимоотношения возникают в силу их асимметричности вследствие неравных возможностей индивидов к доступу ограниченных ресурсов в условиях максимизации личных выгод. Неравные возможности к доступу ограниченных, редких ресурсов или неограниченных, но доступ к которым ограничен (информация, знания, навыки), порождает неравномерное распределение власти в системе внутрифирменной организации, рыночных отношениях, государственного управления и в социальной структуре общества. В основе таких взаимоотношений четко прослеживается принцип иерархии. Истории известны такие системы иерархии власти и статуса, как система вассалитета в средневековой Европе, расслоение населения на касты в Индии, касты в исламских странах Южной Азии.

Власть наряду с другими факторами многими авторами выделяется как первопричина расслоения общества, его стратификации. По мнению З. И. Галушка, стратификационным критерием является также профессионализм, означающий признание обществом системы знаний, навыков, социального опыта [25, с. 55]. Ограниченный доступ к получению образования, недостаточно развитая система повышения его качества, несоответствие освоенной профессии роду деятельности и понесенных затрат приводит действительно к расслоению общества, повышению транзакционных издержек, однако первопричинами данного процесса являются и другие факторы. Согласно П. Сорокину факторами стратификации выступают привилегии, власть, собственность и профессии. Вебер М. исследует стратификацию как многоплановую категорию, содержащую три автономных измерения: экономическое (богатство), социальное (престиж) и политическое (власть) [26, с. 148]. Неравномерное распределение национального богатства и доходов среди населения скорее является следствием занимаемого положения индивидом в обществе (его статус), наличия доступа к ресурсам через доминирующую систему власти. Необходимо также отметить, что не само существование власти приводит к расслоению общества, а асимметрия в отношениях власти. Хофстед Г., исследуя особенности хозяйственных культур 49 стран, ввел такой критерий, как дистанция власти, и отметил, что наибольшая асимметрия в отношениях власти наблюдается в странах дальневосточной модели социально-экономического развития, православного варианта СЭМ, странах Южной Азии, мусульманских странах и практически во всех странах Латинской Америки [27]. Религия в этих странах, как одна из форм общественного сознания, на уровне духовного восприятия мира индивидами закрепляет стратификацию, и такое ее восприятие становится ментальной особенностью общества в отличие от стран реформации.

Структура распределения власти в обществе способствует созданию определенных стимулов и образцов поведения индивидов, закрепляя соответствующие институты и институциональные формы. Институты экономической власти создают эффективную или альтернативную ей систему политической власти. В зависимости от этого выделяют и различные типы политических систем, основанных на разнообразных методах управления: демократических и авторитарных, бюрократических, честных и нечестных, насильственного навязывания, обмане, провокациях. Как отмечал Б. Гаврилишин: «Временного экономического прогресса можно достичь при разных формах политического правления, но длительнее период экономика будет функционировать эффективно тогда, когда политическое устройство и его институты будут приемлемыми для широких слоев населения и при условии существования социальной справедливости, а также мира в обществе» [10, с. 219]. Институты в таком случае не только способствуют снижению неопределенности и сокращению транзакционных издержек, но и становятся средством реализации и ограничения самой власти [7, с. 360]. В то же время история продемонстрировала доказательность и неизбежность сформулированного в начале XX века «железного закона олигархии» Р. Михельса, который гласит, что любая форма социальной организации (демократическая или авторитарная), в конечном счете, вырождается во власть немногих избранных (политических элит). И даже те партии и политические движения, которые стремятся к эгалитарным, социалистическим, коммунистическим идеалам, формируют все более жесткие бюрократизирующиеся иерархии в процессе собственного развития.

Зухба О. М. отмечает, что современная политическая система построена по иерархическому принципу («вертикаль власти»), однако действует наряду с неиерархическими объединениями, организациями, ассоциациями граждан, что представляет собой «горизонталь гражданского общества» [18, с. 46], которому также отводится определенная роль в цепочке принятия управленческих государственных решений. Например, добровольные профессиональные ассоциации, группы различных гражданских инициатив, основанные на сетевых принципах организации. Такая тенденция диалектического

сосуществования вертикали и горизонтали власти не является характеристикой лишь современного состояния общества, а присуща многим политическим устройствам демократических стран уже на протяжении не одного десятка лет. Гражданское общество является носителем демократической власти и осуществляет самоуправление ради общественных интересов, преследуя такие ценностные ориентации, как равенство, свобода, самоопределение, самоорганизация, равные возможности воздействия на результаты – все то, что характеризует сетевую организацию взаимодействия экономических агентов. Излишняя бюрократизация государственной власти или высокий уровень неопределенности ее дальнейших действий приводит к тому, что экономические агенты, стремясь оградить себя от негативных последствий, ограничивают свое взаимодействие рамками участия в определенной сети, создавая при этом свою структуру власти. Объединённые едиными интересами, целями и представлениями о механизмах их достижения, устанавливают понятные для ее участников правила и нормы регулирования поведения, также приобретают дополнительные возможности, объединяя ресурсы, представлять или даже лоббировать свои интересы в национальных масштабах, получать привилегии, льготы.

На современном этапе роль сетевых структур и их представителей в политическом устройстве страны не только не усиливается, но и, по мнению многих авторов, даже ослабевает [13]. Это означает увеличение асимметрии и дистанции между властью, обществом и другими институтами управления. И хотя сосредоточение власти находится в любой общественной структуре, сегодня государственная власть как высшее проявление публичной политической власти, обладает большей весомостью в принятии управленческих решений и выборе направлений дальнейшего развития экономической системы. Происходит это в силу ряда причин.

Структура политической власти создает определенный порядок взаимодействий между индивидами в экономической системе по поводу осуществления выборов и того, как данные выборы будут влиять на принятие и реализацию решений. Осуществление властных полномочий управления классически означает выбирать, что в свою очередь предполагает сначала выработку альтернатив, а затем целенаправленный выбор приоритетных направлений, а затем их реализацию. Процесс принятия эффективных решений сам по себе затруднен в сетевых структурах в силу ограниченности альтернативных вариантов выбора, как уже упоминалось. Тем не менее, организации могут выступить хорошим дополнением в качестве «поставщиков идей» для правительственных программ или, по крайней мере, помочь наметить круг насущных вопросов и определить их суть. Но даже в этом случае не исключены разногласия относительно предполагаемой политики и сложности с выработкой единой системы требований к государству [12]. Именно поэтому жесткая иерархия власти оставляет за собой в этом отношении некоторый приоритет. Централизация властных полномочий и ресурсов позволяет принимать решения и реализовывать их практически особенно в той части, где требуются безотлагательные действия. Однако исключительная узурпация власти приводит к тому, что она становится негибкой и неспособной адекватно реагировать на критические события. В Украине трансформационные изменения в части отношений власти способствовали появлению всеохватывающей коррупции, отношений типа патрон-клиент и других неформализованных институтов. За организациями, построенными на сетевых принципах, однозначно остается право предложения некоторых альтернатив и корректив решения проблем, особенно в условиях трансформационных изменений, а задача централизованных структур – аккумулировать и снижать уровень конфликтности по поводу окончательного выбора, формализовать институционально наиболее эффективные решения, в противном случае общество самостоятельно вырабатывает неформальные институты и не всегда эффективные правила. Такие структуры в сравнении с иерархическими обладают большими эвристическими способностями и спонтанно генерируют массу идей, поэтому их исключение не целесообразно.

Существует еще одна причина доминирования иерархической структуры власти. По этому поводу М. Вебер отмечал, что с развитием бюрократии наступила эпоха «рационализации» производственных, политических, научно-исследовательских, религиозных и других типов организаций. Организация уподобляется машине (часовому механизму, автомобилю); люди – деталям машины, каждая из которых знает свое место и свою функцию [14]. Функциональные же обязанности и роли участников сети принимают размытый и латентный характер, учитывая, что в большинстве своем сетям присущи неформальность и непубличность. Либо границы сети трудноопределимы, либо границы должностей, следовательно, обязанностей и ответственностей самих участников за результаты их деятельности также размыты. Такая дезорганизация управленческой деятельности переносится и на глобальный уровень. «Новые претенденты на власть, возникающие в рамках интеллектуального состязания (надгосударственные институты, мировой рынок, разветвлённые сетевые структуры), выглядят в сравнении с традиционным государством куда более аморфными и размытыми, и выяснить, на что направлены исходящие от них управленческие решения, – гораздо более трудная задача», – отмечает в своем исследовании институтов управления Б. Г. Питерс [12].

В данном контексте многие авторы обозначают тенденцию когерентности различных экономических систем, о снижении роли органов государственной власти в управлении национальным государством, о низких эволюционных способностях такой структуры. Однако любая государственная власть непрерывно развивается, в процессе эволюции накапливается потребность в ее изменении, приведении институтов и других институциональных форм в соответствии с меняющейся действительностью, используя при этом формальные и неформальные механизмы институциональных изменений. Данный процесс занимает более длительный промежуток времени, поскольку иерархическая структура не склонна к быстрым адаптационным изменениям на коротких промежутках времени в отличие от других институтов власти общественно-политических сетей. Включение в процесс управления институтов неиерархической формы организации помогают системе более гибко и быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям, поскольку они обладают таким потенциалом. Сети оказывают серьезное влияние на функциональные характеристики власти, являются источником изменения отношений власти, существенно ее видоизменяют, хотя и не затрагивают первоначальную ее сущностную природу иерархического основания. Первоначальным источником власти в обществе является право собственности. Однако с развитием информационных технологий и сетевых структур выделяют еще один важный источник современной экономической власти – владение информацией. В этом контексте благодаря существующим, в том числе глобальным коммуникациям проявление власти, то есть способности подчинить себе нижестоящих, только усиливается, и если отношения по поводу собственности изначально иерархичны, то информация по своей сути является, в конечном счете, как правило, общественным достоянием, иначе снижается ее ценность, как таковой.

Структура прав собственности, а также их реализация в сложившейся системе экономической власти имеет формальное закрепление в виде соответствующих институтов и институциональных форм. Поэтому необходимо также обратить внимание на неформальную сторону взаимодействия агентов и ее влияние на функционирование и адаптационные возможности экономической системы.

На наш взгляд, американский ученый М. Грановеттер достаточно емко определил данную проблему: «Экономические институты не возникают автоматически как ответ на экономические потребности. Они скорее конструируются индивидами, действия которых способствуют и действия которых ограничивают структура и ресурсы, имеющиеся в социальных сетях» [15, с. 82]. Организация уникальных, присущих конкретному обществу, институциональных взаимодействий в рамках сети, по его мнению, отражает специфику многих не только неформальных экономических институтов, но и формальных, и их влияние на эффективность функционирования системы, а также ее способность к изменениям. Речь идет о системах коммуникаций, под которыми мы понимаем каналы получения доступа к распределению ограниченных, редких ресурсов или ресурсов с ограниченным доступом (информации, знаний, навыков). В широком смысле этого слова такие системы включают социальные сети общества и личные, индивидуальные связи, которые существуют на разных уровнях взаимодействия агентов. «Стремясь защитить себя от неблагоприятных воздействий и неопределенности внешней среды, индивид окружает себя «защитной оболочкой», то есть сетью» [19, с. 133].

Упомянутый выше ученый М. Грановеттер выделяет такие сети на уровне индивида в качестве личных его связей. «В случае эволюции...устойчивые экономические институты начинаются с разрастания паттернов деятельности вокруг сетей личных связей. Их структура отражает структуру сетей, и даже если сети уже не существуют, институты живут своей жизнью» [15, с. 86]. Принадлежность к определенной социальной сети или хорошо отлаженные личные связи экономических агентов являются особенностью ведения бизнеса в Японии (кейрецу – горизонтальная перекрестная система), в США, некоторых странах Латинской Америки, мусульманских странах. Еще больше тех, кто занимается в постсоветских странах бизнесом с использованием дружеских связей [19, с. 136]. Не менее важными остаются семейно-родственные сети и порождающие их связи, существенно влияющие на поведение и выбор индивидов, где складываются доверительные отношения, накапливается семейный капитал. В ситуации, когда отсутствуют семейные или дружеские связи, способствующие распределению ресурсов, экономические агенты подключают другие рычаги формирования неформализованных связей: отношения патрон-клиент – неформальные персональные связи, когда ресурсы власти и влияния распределены неравномерно среди действующих лиц (акторов) [28, с. 11]. «Патрон, обладающий значительными ресурсами, способен предложить защиту и покровительство клиенту в обмен на его лояльность и подчинение», – отмечает А. Н. Олейник [19, с. 140]. При этом остается некоторая асимметрия в отношениях: ради поддержания статуса люди с небольшим достатком могут делать дорогостоящие подарки богатым, получая взамен преференции.

Системы коммуникаций в обществе могут быть как иерархичными (строиться на принципах соподчинения, авторитете), так и строиться на сетевых принципах организации: равных прав к доступу и распределению ресурсов, высоком уровне доверия между экономическими агентами. Однако лаконично по этому поводу выразился М. Поланьи: «Настоящая коммуникация будет иметь место тогда и только тогда, когда эти объединенные предположения об авторитете и доверии в действительности

подтверждаются» [17, с. 206]. Взаимоотношения, построенные на доверии, характеризуются устойчивостью и менее склонны к эволюционному развитию, при этом сохраняют свою форму длительный период. Институты, возникающие как следствие регулирования таких взаимоотношений, носят как формальный, так и неформальный характер. Необходимо отметить инерционность таких конструктов в институциональной системе относительно внешней среды. Поэтому для многих стран существование институтов, возникающих на почве неформализованных социальных сетей и личных связей, является ограничивающим фактором в процессе адаптации экономических систем к изменяющимся условиям. С другой стороны, социальные сети позволяют быстро аккумулировать наличный потенциал, а их структура может принимать гибкие формы.

ВЫВОДЫ

В процессе эволюции социально-экономических систем, в результате трансформационных преобразований общество претерпевает множество качественных и количественных изменений, в результате которых система приобретает новые свойства необратимого характера. Результатом институциональной трансформации выступает измененная форма института с его новыми качественными параметрами.

Институциональное взаимодействие экономических агентов и создаваемые структуры для упорядочивания их деятельности оказывают существенное влияние на процессы адаптации системы к перманентным изменениям. Раскрыты особенности влияния принципов иерархической или сетевой организации взаимодействия экономических агентов на адаптационные способности экономической системы и ее эволюционное развитие. С изменениями внешней среды разная природа институтов обеспечивает либо структурную устойчивость, либо ее мгновенную адаптационную или длительную эволюционную приспособляемость. Поскольку институциональная система социально-экономических систем представляет собой иерархическую пирамиду с горизонтальными ответвлениями, которые предотвращают некоторые отклонения развития такой структуры, сделано предположение, что институты и другие институциональные формы, отличаясь по своей организационной структуре, могут принимать также различные организационные формы, как иерархии, так и сети в чистом виде или комбинированном. Данное предположение было проанализировано на примере эволюции института собственности, экономической власти и систем коммуникаций различных стран. Сделаны выводы, что жесткое ядро институциональной системы, в основе которого положены иерархические принципы отношений, склонно к эволюционному развитию на длительных временных лагах и организационному усложнению. Гибкая оболочка институциональной системы состоит из формальных и неформальных институтов, в основе которых находятся сетевые принципы взаимоотношений, играет значительную роль в мгновенной адаптационной приспособляемости системы к изменяющимся условиям внешней среды.

Исследование институциональных основ адаптации экономических систем к изменяющимся процессам глобализации носит междисциплинарный характер, актуально в условиях обострения противоречивости охвативших мир глобальных феноменов и уникальных институционально-организационных механизмов адаптации систем к ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейнер Г. Б. Институциональные изменения : проектирование, селекция или протезирование? / Г. Б. Клейнер // Постсоветский институционализм / под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. — Донецк : Каштан, 2005. — С. 408—433.
2. Яременко О. Л. Механизм институциональных изменений / О. Л. Яременко // Экономическая теория. — 2006. — №1. — С. 3—12.
3. Гриценко А. А. Закон равновесия в экономических системах / А. А. Гриценко // Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / под ред. А. А. Гриценко. — Х. : Форт, 2008. — С. 34—52.
4. Дементьев В. В. Архитектура экономической власти / В. В. Дементьев // Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / под ред. А. А. Гриценко. — Х. : Форт, 2008. — С. 512—543.
5. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз. — М. : Новое изд-во, 2007. — 224 с.
6. Мандибур В. О. Закономірності ієрархічного та мереженого структурування корпоративного капіталу в умовах глобалізації / В. О. Мандибур // Економіка і управління. — 2007. — № 3. — С. 14—24.
7. North D. Economic Performance through Time / D. North // American Economic Review, 1994. — Vol. 84. — № 3. — Pp. 359—368.

8. Решетило В. П. Синергетика потенциального и актуального в становлении и развитии институциональных систем / В. П. Решетило // *Экономическая теория*. — 2006. — № 1. — С. 24—39.
9. Гражевская Н. И. Отображение трансформационных процессов в системе категорий социально-экономической динамики / Н. И. Гражевская // *Экономическая теория*. — 2007. — № 4. — С. 19—29.
10. Гаврилишин Б. Дороговкази в майбутнє до ефективніших суспільств. Доповідь Римському клубові / Б. Гаврилишин ; пер. з англ. — К. : Основи, 1993. — 238 с.
11. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
12. Питерс Б. Г. Глобализация, управление и его институты [Электронный ресурс] / Б. Г. Питерс // *Отечественные записки*. — 2004. — № 2(17). — Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2004/2/globalizaciya-upravlenie-i-ego-instituty>
13. Hirst P. Globalization in Question : The International Economy and the Possibilities of Governance / P. Hirst, G. Thompson. — UK. : Oxford Polity, 1996. — 227 p.
14. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер ; под ред. П. П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
15. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа / М. Грановеттер // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2004. — № 1. — Т. 7. — С. 76—88.
16. Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм / Н. Н. Моисеев // *Вопросы философии*. — 1991. — № 3. — С. 3—28.
17. Polanyi M. Personal Knowledge : Towards a Post-Critical Philosophy / M. Polanyi. — Chicago : University Press of Chicago, 1962. — 428 p.
18. Зухба О. М. Архітектура домогосподарства : ієрархія та мережева структура / О. М. Зухба // *Наукові праці ДонНТУ. Серія : економічна*. — 2011. — Вип. 39-1. — С. 43—47.
19. Олейник А. Н. Модель сетевого капитализма / А. Н. Олейник // *Вопросы экономики*. — 2003. — № 8. — С. 132—149.
20. Гриценко А. А. Иерархия и сетевые структуры в институциональной архитектонике экономических систем / А. А. Гриценко // *Научные труды ДонНТУ. Серія : економічна*. — 2007. — Вып. 31-1(117). — С. 51—55.
21. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики / Ж. Сапир. — М. : ГУ ВШЭ, 2001. — 248 с.
22. Яременко О. Л. Иерархии и сетевые структуры: история и современность / О. Л. Яременко // *Материалы семинара (ч. I) / Экономическая теория*. — 2007. — № 4. — С. 83—105.
23. Руссо Ж. Ж. Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж. Ж. Руссо // *Об общественном договоре. Трактаты*. — М. : «Канон-пресс», 1998. — 416 с.
24. Гриценко А. А. Совместно-разделенная собственность — основа институциональной архитектоники экономической системы / А. А. Гриценко // *Институциональная архитектоника и динамика экономических преобразований* / под ред. А. А. Гриценко. — Х. : Форт, 2008. — С. 286—289.
25. Галушка З. И. Социально-экономические факторы стратификации трансформационного общества / З. И. Галушка // *Экономическая теория*. — 2009. — № 3. — С. 50—59.
26. Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // *СОЦИС*. — 1994. — № 5. — С. 147—156.
27. Мясоедов С. П. Основы кросскультурного менеджмента / С. П. Мясоедов. — М. : Дело, 2003. — 280 с.
28. Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность / М. Афанасьев. — М. : МОНФ, 2000. — 317 с.